

- Погожева А. П. 1983. Антропоморфная пластика Триполья. Новосибирск: Наука.
- Рыбаков Б. А. 1981. Язычество древних славян. М.: Наука.
- Элиаде М. 1999. Трактат по истории религии. Т. I–II. СПб.: Алетейя.
- Pogoševa A. P. 1985. Die Statuetten Tripolje-Kultur// BAVA 7, 95–242.
- Monah D. 1997. Plastica antropomorfă a culturii Cucuteni-Tripolie. Piatra Neamț: Muzeul de Istorie Piatra Neamț.
- Mysteries of Ancient Ukraine: The Remarkable Tripilian Culture (5400–2700 BC). 2008. Royal Ontario Museum.

Кожин П. М.

Статья И. В. Палагуты интересна описанием специфики статуэток, их немногих полноценных наборов, выявленной повторяемостью числовых группировок, подозрением на наличие и других подобных комплексов. Материал убедителен. Рисунки хороши. Все это, несомненно, важно и полезно. Однако степень продуманности, законченности и полезности работы следует серьезно обсудить. Речь идет сразу о значительном комплексе кардинальных проблем, касающихся раннего Триполья и Прекукутени.

Сейчас уже сложился определенный стереотип описания археологической культуры и ее хронологических и локальных подразделений. Здесь не требуется определение понятия археологическая культура, а необходимо рассмотреть лишь несколько составляющих этого феномена.

Итак, ареал — его автор не только описал, но и изобразил на карте. Автор постулирует его специфику («прерывистый ареал») и обосновывает это тем, что вся территория равномерно обследована, что незаселенные в раннее время пространства в более позднее время были заселены (и наоборот). Что истощение почв (какой объем популяции был необходим для тотального истощения почв на огромных территориях?) требовало переселений. Как общие идеи *a la Klein* — это безупречно. Для конкретной культуры с четко разработанными формами изделий, принципами домостроительства и группировки поселения представленная картина выглядит неопрятно и грустно. Это особенно выразительно, потому что автор прекрасный рисовальщик. Все, что известно, отмечено. Пункты с комплексами статуэток обозначены. Но неясно, чем руководствовались население, переселяясь в новые места, проделывая отдаленные маршруты по незаселенным равнинам, где легко можно было найти подходящие места для устройства поселений. Когда я еще только формулировал представление о прерывистом ареале (1965 г.), то имел дело, прежде всего, с фатьяновско-балановско-атликасинским материалом, где легко выделялись окраинные поселения и локальные варианты, группировавшиеся вокруг разобщенных крупных центров. К тому же, мною уже были определены основные векторы разнонаправленных расселений. Кроме того, не на основе чьего-то мнения, а по самому характеру материала определялись территории

длительного обживания и как бы «проходные», где оставались следы кратковременного пребывания отдельных групп населения (работа, где все эти вопросы рассматривались, остается неопубликованной).

В дальнейшем, используя это определение при описании трансевразийского неолитического расселения, я постоянно принимал во внимание специфику ареалов, через которые оно проходило, учитывая как особенности природной среды, так и местную демографическую ситуацию в соотношении с пришлым (и как бы проходящим мимо) населением. Обращение к этим подробностям необходимо потому, что сохранение, искажение и исчезновение традиций было обусловлено тем, насколько мощной, однородной и устойчивой была местная традиционная среда. Именно этим, а не количеством сменявшихся поколений (значение смены поколений возрастало вместе с расшатыванием традиционной культуры, причем часто это было не нагнетание новаций, а скачкообразные перемены культуры в целом или отдельных ее сегментов, что отмечал Р. Дж. Коллингвуд для постимперской /послеримской/ эпохи в Европе) определялась устойчивость воспроизводства материальной культуры. В отношении Прекукутени-Триполья выводы строятся на материале стойко однородном (в нем не проявляется тенденция к культурному разнообразию локальных вариантов) и под обаянием чужих мнений. К тому же здесь неизвестна направленность процессов заселения и остается спорной длительность периода в целом и отдельных его этапов, а также особенности отдельных «гнезд» поселений. Приводимая карта допускает предположение, что здесь фронтальное расселение (типичное, к примеру, для линейно-ленточных) было заменено расселением вдоль речных русел. По логике таких расселений, а они многочисленны во многих регионах мира и связываются чаще с охотничье-рыболовческими группами, коллектив движется вдоль основного потока до какого-нибудь привлекательного его притока. Тогда близ устья строится основное поселение, приток «запирают» от чужих, а дальше осваивают его на всем протяжении, если он не слишком велик.

Должен добавить, что с академиком В. П. Алексеевым мы сотрудничали по вопросам палеодемографии и, в частности, определения длительности поколений (здесь необходимо считаться с позицией В. В. Бунака, рассматривавшего возрастные группировки, т. е. до какого возраста могла дожить группировка 10-летних, 16-летних, 22–25-летних и т. д., а не среднестатистические возрастные данные популяций). Здесь цифры могли значительно превышать тридцать лет. Наличие значительных групп с более высокими возрастными показателями, хоть и косвенно, но весьма надежно подтверждается общей устойчивостью культуры и художественной традиции: художники успевали выучиться, вырасти и плодотворно поработать.

От предыдущих наблюдений проще перейти к вопросу о генеральной совокупности, в каком бы плане ее ни рассматривать — как общий объем памятников, предметов и следов материальной культуры или, что еще более важно, количество человеческих особей, представлявших период в целом и по его разным хронологическим этапам. Вводя это понятие, я был убежден (и это убеждение не развеялось), что достичь в этом отношении какого-то уровня достоверности нам пока не дано. Давайте останемся в наших наблюдениях на уровне реальной информативности материала и достигнутых возможностей

его интерпретации. Слишком во многих областях мы превысили эти возможности. Полагаю, здраво сомневаясь в достоверности выводов о том, что все памятники рассматриваемого периода так или иначе выявлены, я получаю право на утверждение, что и общее количество памятников Прекукутени-Триполья не может быть обоснованно исчислено. Что процентное их отношение к общему числу памятников Кукутени-Триполья, а тем более количество их в виде 5 % от общего числа в 4 тыс. памятников — это лишь гипотезы на уровне мечты (все это изложено и показано в обсуждаемой работе, поэтому не даю уточненных ссылок). И еще, повторяюсь, мне непонятно стремление сократить длительность исследуемого периода. А уж замена аргументации чем-то вроде заклинаний только усиливает сомнения. Если автору эти наблюдения столь дороги и важны, лучше оставить их на уровне гипотезы.

Открытие стандартных наборов статуэток само по себе настолько важно и ценно, что не стоило бы его осложнять сомнительными положениями. Лучше бы снабдить это открытие соображениями автора о самих этих наборах, пусть и гипотетическими, но способными привлечь заинтересованное внимание.

Порчич М.

Эта статья представляет собой примечательную попытку извлечения культурной информации из двух наборов доисторических статуэток. Ключевые выводы автора заключаются в том, что раннетрипольские наборы статуэток структурированы определенным образом, по гендерным и возрастным признакам, представляя мифических родоначальников или дальних предков. Автор также утверждает, что находки одинаковых комплексов на различных поселениях отражают этническое единство ранней кукутенско-трипольской культуры. В данной статье имеется несколько интересных моментов.

1. Классификация статуэток и внутренняя структура комплексов. На мой взгляд, существует только три признака, безусловно общих для находок из Подури и Исаяи — общее число статуэток (21), число стульчиков и сидящих на них фигурок (13), и, возможно, группа из 7 фигурок с определенным значением. Сделанная И. В. Палагудой попытка установить структурную равнозначность двух комплексов и его утверждение о том, что в наборах представлены 6 мужчин и 7 женщин, сидящих на стульчиках, убедительны, но существуют и иные варианты классификации этих фигурок. В Подури, если принять, что наиболее актуальным атрибутом для гендерной идентификации является наличие груди и слитных ног, нет никаких причин, чтобы исключить фигурки 14, 15 и 16 (Палагута, настоящая издание: рис. 2) из женской группы. Только по наличию на бедрах крашеного орнамента фигурки 7–13 будут образовывать отдельную группу, отличную от других трех статуэток с грудью. Включение фигурки 6 из Подури в мужскую группу сидящих статуэток также может быть поставлено под сомнение, так как эта фигурка морфологически более схожа